

А Иннокентий Анненский. Гончаров и его Обломов

Серия "Литературные памятники" Иннокентий Ф. Анненский, М., "Наука", 1979
OCR Бычков М.Н.

Перед нами девять увесистых томов (1886-1889) {1}, в сумме более 3500 страниц, целая маленькая библиотека, написанная Иваном Александровичем Гончаровым. В этих девяти томах нет ни писем, ни набросков, ни стихов, ни начал без конца или концов без начал, нет поношенной дребедени: все произведения зрелые, обдуманые, не только вылежавшиеся, но порой даже перележавшиеся. Крайне простые по своему строению, его романы богаты психологическим развитием содержания, характерными деталями; типы сложны и поразительно отделаны. "Что другому бы стало на десять повестей, - сказал Белинский еще по поводу его "Обыкновенной истории", - у него укладывается в одну рамку" {2}. В других словах сказал то же самое Добролюбов про "Обломова" {3}. Во "Фрегате Паллада" есть устаревшие очерки Японии и южной Африки, но, кроме них, вы не найдете страницы, которую бы можно было вычеркнуть. "Обрыв" задумывался, писался и вылеживался 20 лет. Этого мало: Гончаров был писатель чисто русский, глубоко и безраздельно национальный. Из-под его пера не выходило ни "Песен торжествующей любви" {4}, ни переводов с испанского или гиндустани. Его задачи, мотивы, типы всем нам так близки. На общественной и литературной репутации Гончарова нет не только пятен, с ней даже не связано ни одного вопросительного знака.

Имя Гончарова цитируется на каждом шагу, как одно из четырех-пяти классических имен, вместе с массой отрывков оно перешло в хрестоматии и учебники; указания на литературный такт и вкус Гончарова, на целомудрие его музыки, на его стиль и язык сделались общими местами. Гончаров дал нам бессмертный образ Обломова.

Гончаров имел двух высокоталантливых комментаторов {5}, которые с двух различных сторон выяснили читателям его значение; наконец, от появления последней крупной вещи Гончарова прошло 22 года и... все-таки на бледно-зеленой обложке гончаровских сочинений над глазуновским девизом напечатаны обидные для русского самосознания и памяти покойного русского писателя слова: *Второе издание*.

Эти мысли пришли мне в голову, когда я недавно перечитал все девять томов Гончарова и потом опять перечитал...

Так как причин этому явлению надо искать не в Гончаровском творчестве, а в условиях нашей общественной жизни, то я и не возьмусь теперь за выяснение их. Меня занимает Гончаров.

Гончаров унес в могилу большую часть нитей от своего творчества. Трудно в сглаженных страницах, которые он скупно выдавал из своей поэтической мастерской, разглядеть поэта. Писем его нет, на признания он был сдержан. В Петербурге его знали многие, но как поэта почти никто. На старости лет, в свободное от лечения время, напечатал он "Воспоминания". Кто не читал их?

Ряд портретов, ряд прелестных картин, остроумные замечания, порой улыбка, очень редко вздох, - но, в общем, разве это отрывок из истории души поэта? Нет, здесь лишь обстановка, одна материальная сторона воспоминаний: из-за всех этих Чучей, Углицких, Якубовых {7} совсем не видно поэта-рассказчика, что он думал, о чем мечтал в те далекие годы. Рассказывая про университет, он даже не говорит я, а *мы*, рассказывает не Гончаров, а один из массы студентов.

Лиризм был совсем чужд Гончарову: не знаю, может быть, в юности он и писал стихи, как Адуев младший, но, в таком случае, вероятно, у него был и благодетельный дядюшка, Адуев старший, который своевременно уничтожил эту поэзию. Вторжения в свой личный мир он не переносил: это был поэт-мимоза. К голосу критики, положим, он всегда прислушивался, но требования его от критики были очень ограниченны. "Ni excès d'honneurs, ni excès d'indignités" {Никаких излишеств - ни в похвале, ни в порицании (фр.)}. Сам он рассказывает, что в отрывках читал в кружке друзей первые части "Обрыва" {8}. но на это, конечно, нельзя смотреть иначе, как на художественный прием; замечания, советы, мнения чутких и образованных друзей помогали ему в трудной работе *объективирования*.

Прочитайте те страницы, которые он предпослал 2-му изданию "Фрегата Паллада" и его "Лучше поздно, чем никогда", - есть ли в них хоть тень гоголевского предисловия к "Мертвым душам" или тургеневского "Довольно": ни